

МАСТЕРА
ЧУЖАКОВ

ТОМАС ЛИГОТТИ

ПЕСНИ
МЕРТВОГО
СНОВИДЦА
•
ТЕРАТОГРАФ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Л55

Серия «Мастера ужасов»
Thomas Ligotti
SONGS OF A DEAD DREAMER
GRIMSCRIBE: HIS LIVES AND WORKS

*Печатается с разрешения автора при содействии
McIntyre Agency*

*Перевод с английского: Николай Кудрявцев,
Владислав Женевский, Григорий Шокин
В оформлении обложки использована иллюстрация
Валерия Петелина
Дизайн обложки: Юлия Межова*

Лиготти, Томас

Л55 Песни мертвого сновидца. Тераграф / Томас Лиготти.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 638, [1] с.— (Мастера ужасов).

ISBN 978-5-17-092145-4

Томас Лиготти – единственный из писателей, работающих в жанре ужасов, кого при жизни издали в престижной серии «Penguin Classics», тем самым официально включив в американский литературный канон. Его часто называют истинным приемником Эдгара По и Говарда Лавкрафта, а его произведения сравнивают с рассказами Франца Кафки, Бруно Шульца и Владимира Набокова. Книги Лиготти повлияли на множество писателей, стали источником вдохновения для первого сезона сериала «Настоящий детектив», послужив основой для монологов Расти Коула в исполнении Мэттью Макконахи. Распадающиеся города, иные пространства, древний и непознаваемый ужас, изысканная проза и раскалывающаяся реальность, в трещинах которой можно разглядеть подлинную тьму бездны – все это рассказы Томаса Лиготти, живой легенды хоррора.

© 2015 by Thomas Ligotti
© Николай Кудрявцев, перевод, 2018
© Григорий Шокин, перевод, 2018
© Владислав Женевский, перевод, 2014
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

•

ПЕСНИ
МЕРТВОГО
СНОВИДЦА

Моим родителям, Гасперу и Долорес Лиготти

ГРЕЗЫ ЛУНАТИКАМ

ПРОКАЗНИК

В прекрасном доме, стоявшем в прекрасной части города — города под названием Нолгейт, где находилась тюрьма штата, — доктор Мунк изучал вечернюю газету, а его молодая жена возлежала на софе поблизости, лениво перелистывая цветные страницы журнала мод. Дочь Мунков, Норлин, спала наверху, а может, без спросу родителей смотрела телевизор, который ей подарили на день рождения неделю назад. Если и так, ее непослушания родители не заметили, в гостиную не доносилось ни звука. На улице тоже было тихо, как днем, так и ночью. Во всем Нолгейте царило безмолвие, ибо в этом месте в темное время суток никто не развлекался, лишь в баре иногда собирались сотрудники тюремной охраны. От столь постоянной и навязчивой тишины жена доктора нервничала, жизнь в месте, что, казалось, на световые годы отстояло от ближайшего крупного города, ее беспокоила. Но Лесли не жаловалась на летаргию семейной жизни. Она знала, что муж очень серьезно относится к своим профессиональным обязанностям на новой работе. Впрочем, сегодня он,

ГРЕЗЫ ЛУНАТИКАМ. Проказник

кажется, был сильно разочарован в собственном деле, признаки чего не укрылись от внимательного взгляда Лесли.

— Как прошел день, Дэвид? — спросила она, ее сияющие глаза взглянули поверх журнальной обложки, на которой еще одна пара глаз мерцала глянцевитым блеском.— Ты молчал весь ужин.

— Все прошло как обычно,— ответил доктор Мунк, даже не посмотрев на жену.

— Те есть говорить о работе ты не хочешь?

Только тогда он сложил газету, перестав закрываться ею от жены:

— Это так прозвучало, да?

— Совершенно верно. У тебя все нормально? — Лесли положила журнал на кофейный столик, вся обратившись во внимание.

— Меня мучают сомнения,— сказал доктор с отстраненной задумчивостью.

Лесли поняла, что ей представился шанс узнать побольше о том, что думает муж.

— Ты сомневаешься насчет работы?

— Практически постоянно.

— Тебе налить?

— Буду премного благодарен.

Лесли прошла в другую часть гостиной и из большой горки вытащила несколько бутылок и бокалов. Из кухни принесла ледяные кубики в коричневом пластиковом ведерке. Плюшевую тишину комнаты нарушало лишь звяканье посуды и стук льда. Шторы были задернуты на всех окнах, кроме одного, в углу, где стояла скульптура Афродиты, откуда открывался вид на пустынную, освещенную фонарями улицу да месяц над густой листвой весенних деревьев.

— Вот. Немного выпить для моего трудолюбивого мужа,— сказала Лесли, передавая доктору бокал, толстый у основания, а сверху настолько тонкий, что казалось, он растворялся в воздухе.

— Спасибо, сейчас это очень кстати.

— Почему? Проблемы в больнице?

— Я бы хотел, чтобы ты перестала называть это заведение больницей. Я работаю в тюрьме, и тебе об этом прекрасно известно.

— Да, разумеется.

— Ты бы могла хоть изредка произносить слово «тюрьма»?

— Хорошо. Так как идут дела в тюрьме, дорогой? Начальство достает? Узники буянят? — Лесли одернула себя, прежде чем разговор не обернулся ссорой. Сделала глубокий глоток и попыталась успокоиться.— Извини за язвительность, Дэвид.

— Нет, я ее заслужил. Я проецирую свою злость на тебя. Думаю, ты уже давно поняла то, что я не в силах признать.

— Что же?

— Что, возможно, переехать сюда и принять сию святую миссию на свои плечи психолога было не самым мудрым решением.

Судя по всему, муж был расстроен гораздо сильнее, чем думала Лесли. Но его слова не приободрили ее так, как она желала. В мечтах она уже слышала, как к дому подъезжает фургон для перевозки мебели, но почему-то этот звук более не казался таким приятным, как прежде.

— Ты говорил, что хочешь чего-то большего, что тебе надоело лечить городские невроты. Ты хотел чего-то более значимого, трудного.

— Я из мазохистских побуждений хотел устроиться на неблагодарную, невозможную работу. И я ее получил.

— Все так плохо? — поинтересовалась Лесли, не до конца веря, что подбадривает мужа и скептически относится к реальной серьезности положения.

Она поздравила себя с тем, что для нее самооценка Дэвида стоит выше желания уехать из Нолгейта, пусть Лесли и считала последнее крайне важным.

— Боюсь, что да. Когда я впервые посетил психиатрическое отделение тюрьмы и встретил других врачей, то поклялся, что никогда не стану столь безнадежно циничным, как они. Что у меня все будет по-другому. Но я чрезвычайно себя переоценил. Сегодня двое заключенных, то есть, прости, «пациентов» избили санитаров. На прошлой неделе жертвой стал доктор Вальдман. Вот почему я так нервничал на дне рождения Норлин. Мне пока везет. Достаются только плевки от подопечных. В общем, сейчас я считаю, что все они могут сгнить в этой дыре, и мне на них совершенно наплевать.

Дэвид почувствовал, как его слова чуть ли не зримо заполнили комнату, осквернив спокойствие, царящее в гостиной. До сих пор их дом был убежищем, существовавшим вне порчи тюрьмы, внушительного здания, находящегося за пределами города. Теперь ее духовное влияние преступило физические границы. Внутреннее расстояние сократилось, и Дэвид почувствовал, как тени массивных тюремных стен наползают на уютный район снаружи.

— Ты знаешь, почему я сегодня пришел так поздно? — спросил доктор жену.

— Нет, почему?

— У меня была долгая беседа с человеком, у которого до сих пор нет имени.

— Тем самым, о котором ты рассказывал? Тот, что никому не говорит, откуда он или как его зовут?

— Да, с ним. Выдающийся экземпляр тлетворной чудовищности этого места. Этот парень очень красив. Идеальный материал для исследования. Абсолютное безумие, соседствующее с острой пронизательностью и умом. Из-за игр с именами его посчитали неподходящим для тюремной камеры, и потому он попал к нам, в психиатрическое отделение. Правда, по его словам, он имеет множество имен — не менее тысячи, но ни одно из них он не снизошел произнести в чьем-либо присутствии. Трудно представить, что его зовут как обычного человека. И мы ничего не можем с ним поделать: ни личность установить, ни диагноз поставить.

— И как вы его зовете — Безымянным?

— Может, и следовало бы, но нет, мы зовем его по-другому.

— И как же?

— Ну, ему предъявили обвинение как Джону Доу, и с тех пор все обращаются к нему так. Полиции пока так и не нашла его документы. Он появился словно ниоткуда. Его отпечатки не проходят ни по одному делу. Его взяли в угнанной машине прямо перед школой. Бдительный сосед сообщил, что некий подозрительный человек часто появляется поблизости. Полагаю, все были настороже после последних исчезновений школьников, и полиция установила наблюдение. Они увидели,

как он ведет новую жертву к машине. Тогда и арестовали. Но у него другая версия истории. Он говорит, что прекрасно знал о преследователях и ждал их — даже хотел, чтобы его поймали, обвинили и отправили в тюрьму.

— Зачем?

— Зачем? Кто знает? Когда просишь психопата объяснить причины его поведения, все запутывается еще больше. А Джон Доу — сам хаос.

— Ты о чем? — спросила Лесли.

Ее муж лишь отрывисто засмеялся, а потом замолк, словно пытаясь найти подходящие слова.

— К примеру, вот небольшая сцена из сеанса, который у нас был сегодня. Я спросил его, знает ли он, по какой причине оказался в тюрьме.

«За проказы», — ответил он.

«И что это значит?»

«Плохой, плохой, плохой. О, ты очень плохой, вот ты кто».

Его детские истерики звучали так, словно он пародировал своих жертв. Уже был конец дня, я был сыт работой по горло, но опрометчиво продолжил сессию.

«Ты знаешь, почему не можешь уйти отсюда?» — спокойно продолжил я, хотя и понимал, что всего лишь перефразировал свой первый вопрос.

«Кто говорит, что не могу? Уйду, когда захочу. Сейчас у меня просто нет желания».

«Почему же?» — естественно, заинтересовался я.

«Я только сюда попал. Подумал, что пора отдохнуть. Мои проказы иногда отбирают столько сил. Но я хочу быть там, с остальными узниками. У них же, полагаю, царит такая воодушевляющая атмосфера. Когда я смогу к ним попасть, ну когда?»

Ты можешь в это поверить? Будет варварством бросить его к остальным заключенным, хотя — чего тут говорить — он такую жестокость заслужил. Обычные пациенты плохо смотрят на преступления вроде тех, которые совершил Доу. Они считают, что такие поступки плохо отражаются на них, ведь у нас-то, конечно, сидят самые заурядные грабители, убийцы, и кого там только нет! Всем нужно чувствовать превосходство хотя бы над кем-то. Я не могу предсказать, что случится с Доу, если мы отправим его в общий блок, а там выяснят, за что его сюда посадили.

— Значит, ему придется остаться в психиатрическом отделении до конца срока? — спросила Лесли.

— Он так не думает. Он считает тюрьму особого режима своего рода курортом, помнишь? Полагает, что может уйти, когда захочет.

— А он может? — спросила Лесли, и в голосе ее не слышалось даже намек на иронию.

От жизни в тюремном городе ее терзал жуткий страх — ей постоянно казалось, что неподалеку орда изуверов планирует побег, и от дома Мунков заключенных отделяют лишь очень тонкие, чуть ли не бумажные, стены. Воспитывать ребенка в таких условиях Лесли не желала и именно поэтому возражала против новой работы мужа.

— Лесли, я уже говорил тебе, что из этой тюрьмы практически никто не сбегал. Если пациент выбирается за периметр, то его первый импульс — это практическое самосохранение. Он старается уехать как можно дальше от этого города, и поэтому Нолгейт — самое безопасное место в случае

такого невиданного события. Да и в любом случае, даже если кому-то и удастся выбраться, их задерживают через несколько часов после побега.

— А такие, как Джон Доу? У него есть чувство «практического самосохранения», или же он будет слоняться поблизости и заниматься своим делом там, где ему удобнее?

— Такие, как Джон Доу, если все идет своим чередом, вообще никогда не сбегают. Они бьются о стены, а не прыгают через них. Ты понимаешь, о чем я?

Лесли сказала, что поняла, но ее страх не ослаб, так как источник его крылся в воображаемой тюрьме воображаемого города — такого, где могло случиться что угодно, и чем ужаснее, тем вероятнее. Она никогда не отличалась болезненностью или мнительностью, и столь непривычные черты в собственном характере ее отвращали. И пусть Дэвид ревностно убеждал ее в полной безопасности тюрьмы, он сам был явно глубоко встревожен. Сейчас он сидел совершенно неподвижно, держа бокал между коленями, и, кажется, к чему-то прислушивался.

— Что случилось, Дэвид? — спросила Лесли.

— Кажется, я услышал... какой-то звук.

— Какого рода?

— Не могу точно описать. Словно отдаленный шум.

Он встал и осмотрелся, словно желал увидеть, не оставил ли звук красноречивую подсказку где-нибудь в тишине дома, возможно, грязный и жирный акустический след.

— Пойду проверю, как там Норлин,— сказал он, поставив бокал на столик рядом со стулом.

Затем пересек гостиную, поднялся по лестнице на второй этаж. Заглянув в щель приоткрытой двери, Дэвид увидел, что маленькая фигурка дочери спокойно лежит, обняв плюшевого Бэмби. Иногда она все еще спала с игрушечными друзьями, хотя уже была довольно взрослой. Но психолог-отец старался не давить на дочь и не оспаривал ее право на собственный уют. Прежде чем покинуть комнату, доктор Мунк опустил створку окна, приоткрытую из-за теплого весеннего вечера.

Когда он вновь вернулся в гостиную, то сообщил жене восхитительно обыденную новость о том, что Норлин спокойно спит. Лесли налила еще два бокала, и в ее жестах виднелись еле заметные отголоски радостного облегчения, после чего сказала:

— Дэвид, ты говорил, что у тебя была «очень долгая беседа» с этим Джоном Доу. Не то чтобы я испытывала болезненное любопытство — ничего подобного, но, может, ты все-таки смог его разговорить? И он рассказал что-нибудь о себе? Хоть что-нибудь?

— О да,— ответил доктор Мунк, перекатывая во рту кубик льда. Теперь психиатр, казалось, чуть расслабился.— Можно сказать, он рассказал о себе все, но нес полную чушь — маниакальный бред. Я совершенно между делом задал ему вопрос, откуда он родом.

«Ниоткуда»,— ответил он, словно безумный проstack, не знающий собственной семьи.

Я попытался снова: «Ниоткуда?»

«Да, совершенно верно, герр доктор. Я же не какой-нибудь сноб, который будет напускать на себя

